

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ МАЯЦКИЙ

кандидат филологических наук, доцент кафедры китайской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
d.mayatsky@spbu.ru

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПЕТРА ВЕЛИКОГО В СТАТЬЯХ КИТАЙСКИХ ИСТОРИКОВ 1980–1990-х ГОДОВ*

Тема актуальна в связи с наблюдаемым в последние годы растущим интересом российских и китайских ученых к изучению истории контактов России и Китая. Важной частью этих контактов была деятельность императора Петра Великого, при котором они сформировались на регулярной основе в различных сферах. В статье затрагивается приобретающая в условиях усиливающейся глобализации особую важность проблема диалога государств и цивилизаций, восприятия одних народов – в данном случае через переосмысление фактов истории – другими. Статья посвящена вопросу, который также может быть поднят при изучении образа Петра I в китайской научной литературе, – оценке его деятельности в сфере внешней политики Российского государства. Тема для исторической науки новая, прежде специально никем не исследовавшаяся. Автором осуществляется обзор выходящих в Китае между 1977 и 1999 годами научных публикаций о дипломатии Петра I. Выявляются, классифицируются и рассматриваются связанные с ней направления и проблемы, волновавшие китайских ученых. Устанавливаются особенности трактовки дипломатии Петра I. В отдельных случаях объясняются истоки этих трактовок. Статья призвана привлечь внимание исследователей проблем исторического образа России в Китае, а также помочь заинтересованным лицам понять то, как в Китае воспринимается выдающийся деятель российской истории – царь Петр I.

Ключевые слова: Петр I, Россия и Китай, империя Цин, образ Петра Великого, имагология, российско-китайские отношения, внешняя политика России

Для цитирования: Маяцкий Д. И. Внешняя политика Петра Великого в статьях китайских историков 1980–1990-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 6. С. 15–23. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.512

ВВЕДЕНИЕ

Личность российского царя Петра Великого начала привлекать к себе внимание образованной части китайского общества еще в конце XIX века, когда в цинский Китай, насильно открытый иностранцами внешнему миру в результате поражения во Второй опиумной войне (1856–1860), через печатные средства стала проникать обширная информация о различных сферах жизни в передовых для того времени зарубежных странах. Неожиданное и для всех слишком уж очевидное превращение огромного и беспомощного Китая в полуколониальное государство шокировало тогда многих китайских патриотов, побудило их озадачиться поиском ответа на ставший злободневным вопрос: каким образом ранее неизвестным и непонятно где находившимся «варварским» странам удалось вдруг опередить в развитии и поставить в зависимое от себя положение некогда могущественную китайскую империю, тысячелетиями претендовавшую на роль крупнейшей, мощнейшей и ци-

вилизированнейшей державы? Осознав причины сложившейся отсталости Цин и унижительные для страны последствия, китайские интеллигенты развернули масштабное просветительское движение. Поскольку в той ситуации одним из выходов виделись преобразования сверху, то появилась потребность в популяризации таких монархов мировой истории, кто имел тягу к новому, продвигал науки и образование, проводил реформы, способствовавшие усилению их государств. На этой волне и возник глубокий интерес к Петру Великому, проявившийся в публикации ряда работ (главным образом в канун и первые годы после движения «Ста дней реформ» 1898 года) со сведениями о его биографии и осуществлявшихся им преобразованиях. В 2020 году об этом явлении вышла статья профессора Восточного факультета СПбГУ Н. А. Самойлова [2], пока единственная в нашей стране и за рубежом, исследующая образ первого российского императора в Китае.

В настоящей статье автор хотел бы отдельно изучить другой, прежде в России еще не рассматривавшийся имагологический вопрос: как в китайских научных работах характеризуется внешнеполитическая деятельность Петра Великого, в годы правления которого был заключен первый в истории русско-китайских отношений межгосударственный договор – Нерчинский трактат 1689 года – и при котором между двумя странами активизировались политические, торговые и гуманитарные контакты? Какой китайцам представляется внешняя политика петровской России, какие проблемы обычно волнуют их в связи с нею, насколько специфично восприятие их китайскими учеными и чем оно может быть объяснено? Попробуем разобраться в этих вопросах, насколько не претендуя на всеохватность и опираясь на доступные нам материалы китайских научных журналов 1980–1990-х годов.

Несмотря на то что, согласно наблюдениям Н. А. Самойлова, ранние упоминания Петра Великого в китайской публицистике относятся еще к первой половине XIX века [2: 107], специальное изучение внешней политики Петра I учеными КНР началось лишь в 1977 году, когда была опубликована статья Тун Синя и Ши Биня [19]. В ней авторы предложили краткий общий обзор его внешнеполитической деятельности. После нее до конца XX века по данной теме в Китае вышли еще около 15 работ – Гао Юйхая [7], Цзин Дуна [10], Ли Найлина [11], Линь Цзюня [12], Лю Шаоухуа [13], Н. Н. Молчанова [15], Нань Хая [16], Тан Сяоли [17], Тао Хуэйфэня [18], Ван Яна [20], Янь Чжюя [21], Ян Юйлина [22], Чжао Шиго [23], Чжоу Цзошао [24] и Цзо Шу-э [25]. Эти работы принадлежат хронологическому периоду с 1977 по 1999 год – рамки выбраны нами произвольно исходя из доступного материала, а также в силу необходимости ограничиться рамками статьи. Стоит оговориться, что одна из перечисленных работ представляет собой выполненный Юй Чуньлин (于春苓) китайский перевод, к сожалению, на данный момент неустановленной, небольшой и тоже обзорной статьи крупного советского историка, профессора Николая Николаевича Молчанова (1925–1990), трудившегося в Институте всеобщей истории АН СССР и Университете дружбы народов им. П. Лумумбы [15]. Поскольку она отражает взгляд советской науки, то на ней внимания заострять не будем, а ограничимся только упоминанием в ряду материалов, вышедших на китайском языке. Кроме того, публикация Линь Цзюня является рецензией на изданную в 1984 году в Москве Н. Н. Молчановым монографию «Дипломатия Петра I» [12]. Она примечательна лишь тем, что автор два

раза вступает в полемику с советским историком, критикуя его то за оправдывание «империалистических амбиций» Петра I, проводившего по отношению к соседним странам и народам «агрессивную» политику, то за оценку Нерчинского договора как неравноправного [12: 88–89]. В первом случае Линь Цзюнь обильно цитирует известную своим откровенным русофобством публикацию Карла Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» (кит. «十八世纪外交史内幕»), которая выходила в 1856 году на английском языке под названием «The Revelations of the Diplomatic History of the 18th Century» и потом переиздавалась в 1899 году под названием «Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century» (переведено на русский язык как «Секретная дипломатия XVIII века»). Во втором случае автор обнаруживает солидарность с распространенной в китайской академической среде позицией и ссылается на изданную в 1986 году сотрудниками Института новой истории Академии общественных наук КНР (中国社会科学院近代史研究所) «Историю вторжения царской России в Китай» («沙俄侵华史», 上海: 人民出版社, 1986年). Корни этой позиции восходят к первой сводной истории последней императорской династии в Китае – многотомному «Черновику истории Цин» («清史稿»), составленному в 1914–1927 годах коллективом из 100 ученых под руководством Чжао Эрсюня (赵尔巽, 1844–1927).

Тогда же, в последнее двадцатилетие XX века, в научной периодике Китая выходили и другие близкие по теме, общие или частично затрагивающие интересующие нас вопросы исследования: Дун Симиня [4], Фу Суньмина [5] (также его статья в соавторстве с Фэн Синшэном – [6]), Ху Личжуна [8] (та же статья с незначительными изменениями – [9]), Лу Минхуэя [14] и других специалистов. Безусловно, авторов таких работ было гораздо больше, чем специальных, и их ряд можно было бы продолжить.

Ознакомление с перечисленными публикациями позволило установить, что в 1980-х и 1990-х годах китайскими историками была изучена фактически вся международная деятельность России эпохи Петра Великого. Но каким-то внешнеполитическим делам они уделяли больше внимания, каким-то – меньше. В целом ученых волновали два больших блока тем – географически относящихся к действиям Петра I в западной (Европа) и восточной (Азия) частях евразийского континента. Параллельно они были озабочены размышлениями над причинами высокой активности царя на международной арене и, как им показалось, его постоянного на протяжении всего царствования стремления к увеличению терри-

тории Российского государства. Рассмотрим оба указанных блока.

ЕВРОПЕЙСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В ЭПОХУ ПЕТРА I

В этой части китайские исследователи выделяют три основных вектора:

– борьба с Османской империей за побережье Черного моря и другие контролировавшиеся турками земли (Азовские и Прутский походы);

– польский вопрос (включение в политическую борьбу за власть в Речи Посполитой ради сохранения ее участия на стороне России в конфронтации с Османской империей и Швецией, а также, по мнению исследователей КНР, возвращения некогда утраченных белорусских и украинских земель) [11: 34];

– война со Швецией (с целью прорубить «окно в Европу», получив побережье Балтики) [13: 51].

Китайскими историками отмечено, что в первые годы царствования Петра I российское правительство прежде всего было озабочено решением доставшегося ему в наследство от предшественников и обострившегося тогда турецкого вопроса. Активное наступление Османской империи в 1670-х годах на украинских землях против Речи Посполитой и России, а также в начале 1680-х годов против Австрии привело к созданию в 1683 году антитурецкого австро-польского военного союза (Священной лиги) и последовавшему вскоре присоединению к нему Венецианской республики (1684 год) и России (1686 год) [10: 10]. Именно с участием в этом союзе китайцы связывают Азовские походы царя Петра Алексеевича 1695–1696 годов и совершенное им в 1697–1698 годах Великое посольство в Европу [10: 10].

О поездке Петра Великого инкогнито в Европу и ее поворотном влиянии на дальнейшую судьбу России китайцам стало известно еще в 1830-х годах благодаря первым публикациям о Петре I на китайском языке. В 1837 году в «Ежемесячной хронике общих заметок о Восточных и Западных морях» (кит. «东西洋考每月统记传», англ. «Eastern Western Monthly Magazine»), издававшейся с 1833 по 1837 год в городе Гуанчжоу прусским протестантским миссионером Карлом Гюцлафом (нем. Karl Gützlaff, 1803–1851), вышел написанный неизвестным автором на китайском языке «Краткий очерк истории Российского государства» (кит. «俄罗斯国志略»). В нем в числе прочего сообщалось:

«В 35-м году зры правления под девизом Канси (1697 год) [Петр I] тайно покинул столицу и в составе посольской миссии прибыл в Нидерланды, где собственноручно трудился, стремясь постигнуть технологию строительства военных кораблей. Затем отправился в Англию

– там ознакомился с верфями... Петр увеличил количество боевых судов, армию, организовал управление страной, распространил науки и искусства, перевоспитал народ, поддержал хорошие обычаи и добился многих благ...» [3].

Современные китайские историки Великому посольству тоже придают значение исключительной для истории России важности. Они непосредственно связывают с этим событием осуществленную затем Петром I корректировку внешне- и внутривластного курса. Четыре исследователя посвятили этой поездке отдельные статьи: Цзин Дун [10], Тао Хуэйфэнь [18], Гао Юйхай [7] и Ван Ян [20]. Они позитивно оценивают уникальную в мировой истории акцию молодого правителя, восхищены его смелостью, любознательностью, жаждой знаний, практическим умом, выдающимися организаторскими способностями и умением лично вникать в нюансы каждого дела, которое могло представлять пользу для государства. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что статьи Цзин Дуна, Тао Хуэйфэня и Гао Юйхая были опубликованы в первое десятилетие политики реформ и открытости, начавшейся, как известно, в Китае в декабре 1978 года. Причем в статье Тао Хуэйфэня петровское посольство изучается в сравнении с миссией Ивакуры Томоми (яп. 岩倉具視, 1825–1883) – министра иностранных дел Японии, совершившего в 1871–1873 годах в ранге полномочного посла и во главе группы из шестидесяти японских аристократов турне по США и одиннадцати государствам Европы. Эта миссия имела целью, параллельно с решением внешнеполитических задач (добиться перезаключения договоров с Японией), познакомиться с политическим и экономическим устройством, образованием, культурой и другими сторонами жизни посещаемых стран. Путешествие по западным странам произвело неизгладимое впечатление на участников миссии, кардинально изменило их мировоззрение и впоследствии во многом повлияло на характер реформ Мэйдзи (1868–1889), за короткий срок сделавших Японию сильнейшим государством в Азии. Ван Ян основной упор делает на важности научно-технического обмена, состоявшегося в ходе миссии Петра Великого, и в заключение задает риторический вопрос:

«Петр I за короткие полтора года зарубежной поездки постиг многое. Конечно, нам не стоит придерживаться тех целей, которые он ставил перед собой, изучая западные вещи. Но его усердие во благо родной страны, готовность без сожаления пожертвовать ради нее собой, его ненасытная тяга к знаниям в области современных наук или просто культуры разве не должны вызвать у нас глубоких размышлений?» [20].

Очевидно, обращаясь в переломную для Китая эпоху к близким аналогиям из российской и японской истории, китайские ученые, помимо прочего, хотели сгладить опасения настороженно настроенной консервативной части китайского общества, напомнить о случившихся и в XVIII, и в XIX веке ярких прецедентах успешного реформирования некогда отсталых государств, смело открывшихся миру, перенявших передовые достижения зарубежных стран и благодаря этому возвысившихся.

Китайские ученые в основном придерживаются распространенного в отечественной историографии мнения, что главной целью Великого посольства был поиск союзников для продолжения наступления на Османскую империю ради завоевания черноморского побережья. Они отмечают, что к посольству Петр I явно готовился целенаправленно несколько лет и что его победоносная Азовская кампания задумывалась как часть этой подготовки: имея за плечами успех в недавней войне с турками, он в дальнейшем противостоянии им мог рассчитывать на доверие и более охотную поддержку со стороны европейских стран [10: 10–11]. В качестве дополнительных признаются и другие цели миссии – знакомство с разными сферами жизни европейских стран (с особым уклоном в современное военное дело, кораблестроение и промышленное производство), определение на учебу российской дворянской молодежи, приглашение в Россию на службу зарубежных военных и технических специалистов, размещение заказов на производство оружия, строительство судов, закупка необходимых для военных нужд материалов и другие практические цели, преимущественно связанные с намечавшейся войной. Прямыми следствиями миссии видятся отказ от продолжения войны с Турцией (по причине обнаруженных в ходе переговоров нежелания или объективной невозможности предполагаемых союзников участвовать в ней), образование антишведского Северного союза и Северная война.

Способность Петра I в ходе посольской миссии подстроиться под новые внешнеполитические обстоятельства и мгновенно переключиться с юга Европы на север, его вмешательство в дела престолонаследия в Речи Посполитой (содействие возведению на трон саксонского курфюрста Августа I), активная роль в создании и поддержании Северного союза, а потом в Северной войне, проведение ради победы в ней масштабных преобразований и мобилизация ресурсов всей России побуждают китайских историков видеть в нем весьма амбициозного и по-наполеоновски воинственно настроенного, но в то же время мудро-

го, практичного, целеустремленного, умевшего учиться на ошибках правителя, на протяжении всего царствования стремившегося к завоеванию новых земель, а то и к достижению мирового господства. Фу Суньмин пишет: «[Петровская] Россия, опираясь на флот и армию, повсюду вела завоевательные войны... Петр почти не знал мира» [5: 50]. Тун Синь и Ши Бин находят в действиях царя неустанные попытки или намерение завладеть не только выходами к Балтийскому и Черному морям, но и владениями Речи Посполитой, Балканами, Константинополем, Крымом, Кавказом, Закавказьем, Центральной Азией и даже землями Персии, Индии, Китая, Северной Америки и Африки и превзойти самого Александра Македонского, рассказы о котором он якобы любил читать по ночам [19: 110–113]. Жажда Петра I к завоеваниям, как правило, оценивается китайскими учеными крайне негативно, как признак грубости и невысокого уровня цивилизованности, как проявление худших черт российского империализма и русского панславизма. Истоки такого восприятия восходят к традиционному конфуцианскому представлению о превосходстве силы культурного влияния над силой военной и предпочтительности в связи с этим ненасильственных способов решения проблем над насильственными. Кроме того, глубокое воздействие на китайских специалистов оказали взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса (подразумеваются работы «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» К. Маркса и «Внешняя политика русского царизма» Ф. Энгельса), что проявилось в частом цитировании обоих классиков Тун Синем, Ши Бином, Фу Суньмином, Ли Найлином, Лю Шаохуа, Дун Симином, Тан Сяоли, Цзин Дуном и другими историками.

По мнению Фу Суньмина [5: 51], Тун Синя и Ши Биня [19: 113], Петр I, став автором «системы мировой агрессии», на два столетия вперед задал ключевые векторы внешней политики Российской империи, выработал неписаную программу расширения ее территории, выполнявшуюся последующими российскими императорами.

АЗИАТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В ЭПОХУ ПЕТРА I

Согласно представлениям китайских историков, европейское направление было основным во внешней политике Петра I [13: 51], [22: 63], [25: 85]. Объясняют они это тем, что политический и экономические центры Российского государства и основная часть его населения находились в европейской части страны [19: 107]. Кроме того, для России тогда были жизненно необходимы тесное сотрудничество с Европой и доступ к ее

огромному рынку, передовым промышленности, науке и технике. Что касается азиатского направления, то оно было второстепенным. С таким взглядом трудно не согласиться.

В связи с политикой Петра Великого в Азии в основном отмечаются четыре вектора (деление основано на районировании, принятом в ООН):

– восточноазиатский (отношения с империей Цин);

– центральноазиатский (возведение опорных пунктов на восточном берегу Каспия и в Северном Казахстане, походы в Яркенд и против Хивинского царства, отношения с джунгарами и т. д.);

– южноазиатский (планы отправки экспедиции в Индию);

– западноазиатский (Персидский поход 1722–1723 годов).

Первый вектор вызывает у китайцев наибольший интерес, особенно много пишущих о русско-китайских отношениях в период Канси (1662–1723) – о продвижении России на Дальний Восток, вызванных им вооруженных пограничных конфликтах с маньчжурской властью, заключении Нерчинского договора, развитии торговли (в Пекине и на границе), учреждении Российской духовной миссии в Пекине и т. д.

Об остальных векторах внешней политики Петра Великого в Азии упоминается скупо и только в контексте рассуждений о его «великодержавном шовинизме» и «системе мировой агрессии», подражании им Александру Македонскому. Отмечается, что складывание этой системы началось после одержания царем в 1709 году победы в Полтавской битве и наступления перелома в Северной войне. Этот перелом якобы укрепил веру Петра I в свои военные таланты, разжег в нем амбиции завоевателя и побудил направить часть своих войск на силовое решение новых внешнеполитических задач, связанных не только с расширением территории России, но и приобретением ценных ресурсов – в первую очередь драгоценных металлов и камней, необходимых ему для ведения войн. Так состоялись экспедиция И. Д. Бухгольца в Яркенд (1715), Хивинский поход (1717), Персидский поход (1722–1723) и т. д. [19: 111–112].

Китайские историки склонны полагать, что до 1689 года Россия словно бы прошупывала силу цинского государства, постепенно проникая на территорию, которую маньчжурские правители считали исконно своей. После нескольких произошедших от этого приграничных вооруженных столкновений, в конечном счете обернувшихся для России поражением в Албазинском конфликте (1685–1686), 27 августа 1689 года был заклю-

чен Нерчинский договор. Наши историки – в том числе академик-китаевед В. С. Мясников (род. в 1931 году), уделивший этому договору в своей книге «Империя Цин и Русское государство в XVII веке» объемную главу [1: 312–394], – считают его неравноправным и навязанным России под давлением окруживших Нерчинск китайских войск. Китайские историки хотя и признают подписание договора вынужденной для России мерой (в 1687 и 1689 годах два похода российских войск в Крым завершились неудачей, и война на востоке в таких условиях стране была не нужна [13: 51]), но все же видят его взаимовыгодным и даже чуть ли не щедрой уступкой со стороны императора Сюанье (правил в 1662–1722 годах). Если отставить в сторону споры о том, как надлежит понимать изложенные в первой статье договора туманные (по причине противоречивого в то время представления обеих сторон о географии тех мест и неверной трактовки использовавшихся географических названий) формулировки касательно должной линии прохождения границы между обеими странами, то другая статья, разрешавшая двустороннюю торговлю, открыла для россиян блестящие возможности, которыми они не преминули тут же воспользоваться. Уже в 1691 году россияне продали в Китае товаров на 7 562 рубля и привезли в Россию товаров на 23 591 рубль [5: 51]. Прибывшее в 1692 году в Пекин с группой купцов русское посольство Эверта Избранта Идеса (нидерл. Evert Ysbrants Ides, 1657–1708) привезло в Китай казенных товаров на 4 400 рублей, частных – на 12 600 рублей (из них 3 000 были вложениями самого Идеса), а в Россию увезли казенных товаров на 12 000 рублей, частных – почти на 26 000 рублей [5: 51]. И хотя с 1693 года разрешалась только государственная торговля, но и она за один поход в Китай приносила казне до 600 % прибыли [8: 107]. Поэтому объемы торговли постепенно росли. В 1706 году караван Г. А. Осколкова заработал для России 55 000 рублей, в 1708 году караван П. Л. Худякова – 270 000 рублей [5: 51]. К 1716 году торговый оборот по сравнению с 1698 годом вырос в 8 раз [5: 51]. Для сравнения: совокупный доход по всем статьям российского бюджета в 1710 году составил 3 134 000 рублей, а расходы на один только флот в том же году – 434 000 рублей [13: 52].

Фу Суньмин, Цзо Шу-э, Лю Шаохуа и другие историки находят, что торговля с Китаем для Петра Великого имела немаловажное значение, поскольку приносила русской казне ощутимый дополнительный доход, использовавшийся для развития экономики страны и ведения войн в Европе [5: 51], [13: 52], [25: 86]. Согласно их точке зрения, после поражения в 1685–1686 годах

Петр I не воспринимал Китай в качестве потенциального объекта для нападения, но усматривал в нем больше выгодного торгового партнера, масштабы торговли с которым он всячески стремился держать под своим контролем и расширять. Об этом свидетельствуют несколько фактов.

Во-первых, россияне постоянно нарушали установленные в 1693 году императором Сюанье ограничения: торговля могла вестись только государственными караванами в Пекине, количество караванов не должно было превышать одного в три года, в каждый караван разрешалось включать не более 200 человек и т. д. [8: 107], [9: 14]. В действительности же, как пишут китайцы, Россия за период с 1690 по 1722 год направила в Китай от 17 до 23 казенных караванов, количество участников в каждом из которых порой могло превышать 800 человек [25: 83], [14: 80]. Ху Личжун приводит китайские официальные данные, которые свидетельствуют о том, что между 1689 и 1727 годами купцы из России приходили в Пекин даже не менее 50 раз: он включил в это количество не только согласованные Петром I казенные караваны, но и от предприимчивых сибирских губернаторов и частные, прибывавшие в Китай на свой страх и риск [8: 107], [9: 14]. Чжао Шиго тоже установил, что частные караваны приходили в Китай в 4–5 раз чаще, чем казенные [23: 63]. Кроме того, Ху Личжун сообщает о бурном развитии региональной торговли с Китаем через Монголию – ее масштабы в 1721 году превышали торговлю в столице также в 4–5 раз [8: 108], [9: 16].

Во-вторых, Петр I, дабы оградить казну от конкуренции и потерь из-за полуофициальной (осуществлявшейся сибирскими чиновниками) и частной торговли, неоднократно принимал меры. В 1697 году специальным указом он ввел запрет негосударственным купцам торговать в Китае особо ценными видами пушнины [9: 14]. В 1706 году еще одним указом запретил сибирским чиновникам и сопровождавшим казенные караваны служилым людям вести в Пекине торговлю своими товарами, дополнительно установил строгий порядок организации казенных караванов [9: 14]. С другой стороны, царь стремился учесть также интересы частных торговцев. Когда Сюанье, обеспокоенный уроном, наносившимся российскими купцами Китаю, повелел с 1714 года впускать на территорию империи только те караваны, которые имели официальное разрешение российских властей, Петр Великий в ответ распорядился выдавать такие разрешения в Иркутске и Селенгинске [23: 63]. Подобные меры свидетельствуют о том, что Петр I внимательно следил за состоянием торговли с Китаем, прида-

вал ей важное значение, по возможности старался расширить ее и при этом направить в такое русло, чтобы наибольший доход получала государственная казна.

В-третьих, в то время когда российские сановники предлагали Петру I начать против Китая военные действия, чтобы с их помощью добиться снятия наложенных на Россию всех торговых ограничений, он, верно оценив трудности войны на удаленном фронте, предпочел пытаться решить проблему мирным способом – отправил в 1719 году в Китай посла Л. В. Измайлова (1685–1738) договариваться о дозволении подданным России торговать беспошлинно на территории всего Китая [25: 85]. И хотя миссия Льва Измайлова, как и следовало ожидать, закончилась в этой части неудачей, Петр I по-прежнему исключал возможность силового решения противоречий и продолжал торговать с Китаем на доступных условиях. Лю Шаохуа так объясняет его политику:

«...[Для Петра Великого] на Дальнем Востоке существовали два сценария возможных действий – воевать или торговать. Коль скоро Россия была занята войной с северным соседом и не могла себе позволить вступить одновременно в войну с Китаем, то оставалось только торговать» [13: 52].

Примерно в тех же выражениях пишет Цзо Шу-э [25: 85].

Несмотря на незаинтересованность Петра Великого в прямом столкновении с империей Цин, он тем не менее, согласно китайским историкам, не упускал благоприятного случая тайно досадить ей: поиграть на противоречиях между маньчжурской властью и вассальными по отношению к ней кочевыми племенами инородцев и переманить на свою территорию под российское подданство, к примеру, монгольский род в несколько сотен человек [14: 81], [23: 65]. Также считается, что Петр I скрытно поддерживал джунгар в их войне с Цин [24: 23]. В таких действиях царя маньчжуры и современные китайские историки усматривают коварное вмешательство во внутренние дела своего государства и основную причину прекращения в 1722 году цинами торговли с Россией на несколько лет [13: 52], [14: 81].

В связи с джунгарским вопросом китайские историки упоминают также посольскую миссию маньчжурского сановника Туличэня (图理琛, 1667–1741) в Россию в 1712–1715 годах [24: 23]. Туличэнь совершал визит к калмыцкому хану Аюке на Волгу, чтобы привлечь его к союзу с Цин в войне против джунгар. Хан перенаправил Туличэня к Петру I. С царем же послу встретиться не удалось из-за его продолжительного нахождения в районе военных действий со Швецией. Чжоу

Цзошао считает, что российский государь намеренно избежал нежелательной для него встречи, поскольку «неверно истолковал» мирные цели Туличэня и заподозрил цинское правительство в желании переманить к себе российских подданных. По словам Чжоу Цзошао, Петр Великий в той ситуации напрасно оказался слишком недоверчив, ибо император Сюанье даже не планировал причинять вред российским интересам [24: 24–25].

В китайских публикациях, посвященных отношениям России и Китая в эпоху Канси, некоторое внимание уделяется учрежденному тогда институту Российских духовных миссий в Пекине. Отношение к ним противоречивое. Чжао Шиго и Цзо Шу-э оценивают миссии положительно, как свидетельство мирных, добрососедских отношений и уникальный инструмент гуманитарного сотрудничества между обеими странами, полагая, что с его помощью осуществлялся важный обмен культурными и техническими достижениями, шла подготовка первых российских китаеведов и китайских русистов [23: 64], [25: 85]. Ян Юйлин же считал этот институт для обоих государств изначально бесполезным, в действительности не выполнявшим никаких других функций (ни религиозных, ни дипломатических), кроме обучения для непонятных целей единиц знатоков маньчжурского и китайского языков [22: 62–63].

При ознакомлении со статьями китайских историков может возникнуть впечатление, что в эпоху Петра I российско-китайские отношения развивались таким образом, что китайская сторона находила в них для себя больше негативных, чем позитивных моментов. От торговли между странами в выигрыше оказывалась Россия, вывозившая из Китая большое количество серебра. Это вызывало беспокойство. Провал Туличэня и приписывавшаяся царю тайная политика по

отношению к находившимся в зоне китайского влияния монгольским племенам держали маньчжурские власти в напряжении и вызывали подозрения в желании нарушить территориальную целостность Цин.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучив публикации китайских специалистов, исследовавших в 1977–1999 годах вопросы внешней политики России в эпоху Петра I, мы увидели, что в них охватывается практически вся международная деятельность первого российского императора. Были выделены европейское и азиатское направления в его политике. Внутри каждого направления определены основные векторы. Установлено, что часть работ носит обзорный характер, часть – посвящена специальным вопросам, главным образом связанным с Великим посольством Петра I в Европу и российско-китайскими отношениями. При этом отмечено сильное влияние на китайских историков работ К. Маркса и Ф. Энгельса, охарактеризовавших Петра Великого как проводника завоевательной политики и создателя «системы мировой агрессии». Силовой способ решения задач внешней политики рассматривается в качестве излюбленного для Петра I, якобы стремившегося к захватам в подражание Александру Македонскому для получения новых земель и необходимых для войн ценных ресурсов. В тех случаях, когда война была невозможна, Петр I прибегал к тайной дипломатии или стремился извлечь выгоду из торговых отношений – именно таким образом выстраивалось особенно интересное китайских историков сотрудничество с Китаем. В целом Петр I предстает в их публикациях политиком хитрым, коварным, практичным, нацеленным на достижение благ для России за счет других народов.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018 «Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: Социокультурная интерпретация и адаптация».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1987. 516 с.
2. Самойлов Н. А. Образ Петра Великого и идеология реформаторского движения в Китае в конце XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 107–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.489
3. 道光丁酉年九月 // 东西洋考每月统记传. 爱汉者等编, 黄时鉴整理. 北京: 中华书局, 1997年. 273–274页。(Девятый месяц года Диньюэ эры Даогуан // Ежемесячная хроника общих заметок о Восточных и Западных морях / Под ред. Ай Ханьчжэ; Сост. Хуан Шицзянь. Пекин: Китайская литература, 1997. С. 273–274).
4. 董继民. 俄国扩张原因新论 // 齐齐哈尔师范学院学报 (哲学社会科学版), 1994年, 第04期. 58–66页。(Дун Цзиминь. Новые рассуждения о причинах расширения Российской империи // Вестник Цицикарского педагогического института (Философия и общественные науки). 1994. № 4. С. 58–66). DOI: 10.13971/j.cnki.cn23-1435/c.1994.04.013
5. 傅孙铭. 十八世纪中俄关系的主流及其性质 // 东北师大学报, 1984年, 第02期. 49–52页。(Фу Суньмин. Основные направления и особенности в российско-китайских отношениях XIX века // Вестник Северо-Восточного педагогического университета. 1984. № 2. С. 49–52). DOI: 10.16164/j.cnki.22-1062/c.1984.02.009

6. 傅孙铭、冯兴盛。试析俄国向东方扩张与资本原始积累的关系 // 东北师大学报, 1985年, 第02期。46–51页。(Фу Суньмин, Фэн Синшэн. Пробный анализ связи расширения России на Восток с первоначальным накоплением капитала // Вестник Северо-Восточного педагогического университета. 1985. № 2. С. 46–51). DOI: 10.16164/j.cnki.22-1062/c.1985.02.009
7. 高玉海。试析彼得使团的出访与改革 // 绥化师专学报, 1989年, 第01期。60–63页。(Гао Юйхай. Коротко о посольстве Петра и его реформах // Вестник Педагогического института Суйхуа. 1989. № 1. С. 60–63).
8. 胡礼忠。中俄早期陆路贸易的回顾 // 浙江学刊, 1994年, 第03期(总第86期)。105–110页。(Ху Личжун. Взгляд на прошлое российско-китайской сухопутной торговли // Чжэцзянский вестник. 1994. № 3 (86). С. 105–110). DOI: 10.16235/j.cnki.33-1005/c.1994.03.024
9. 胡礼忠。中俄早期陆路贸易述论 // 史林, 1994年, 第01期。12–19页。(Ху Личжун. Размышления о российско-китайской сухопутной торговле // Исторический вестник. 1994. № 1. С. 12–19).
10. 敬东。大使团的西欧之行与沙俄扩张战略的转移 // 兰州教育学院学报, 1985年, 第03期。9–15页。(Цзин Дун. Великое посольство на Запад и поворот царской России к экспансии // Вестник Ланьчжоуского института образования. 1985. № 3. С. 9–15).
11. 李乃玲。北方战争期间彼得一世的结盟外交 // 外交学院学报, 1987年, 第02期。29–35页。(Ли Найлин. Союз в дипломатии Петра I в годы Северной войны // Вестник Института дипломатии. 1987. № 2. С. 29–35). DOI: 10.13569/j.cnki.far.1987.02.008
12. 林军。《彼得一世的外交》评介 // 外交学院学报, 1986年, 第02期。87–89页。(Линь Цзюнь. Рецензия на «Дипломатию Петра I» // Вестник Института дипломатии. 1986. № 2. С. 87–89). DOI: 10.13569/j.cnki.far.1986.02.015
13. 刘少华。论彼得一世时期俄国对华政策转变的原因 // 湖南科技大学学报(社会科学版), 1993年, 第14卷, 第05期。50–64页。(Лю Шаохуа. О причинах изменения политики России по отношению к Китаю при Петре I // Вестник Хунаньского технологического университета (Общественные науки). 1993. Т. 14. № 5. С. 50–64).
14. 卢明辉。17世纪至18世纪前期中俄边境贸易的建立与发展 // 北方文物, 1990年, 第04期(总第24期)。77–82页。(Лу Минхуэй. Складывание и развитие российско-китайской приграничной торговли в XVII – первой половине XVIII веков // Памятники культуры Севера. 1990. № 4 (24). С. 77–82). DOI: 10.16422/j.cnki.1001-0483.1990.04.020
15. 莫尔恰诺夫 Н. Н. 评彼得一世的外交 // 函授教育, 1996年, 第01期。108–111页。(Молчанов Н. Н. Оценка внешней политики Петра I // Заочное обучение. 1996. № 1. С. 108–111).
16. 南海。彼得大帝送的厚礼 // 南风窗, 1991年, 第01期。50页。(Нань Хай. Дары от Петра Великого // Окно южных нравов. 1991. № 1. С. 50). DOI: 10.19351/j.cnki.44-1019/g2.1991.z1.034
17. 汤晓黎。打开朝向欧洲“窗口”的人——评彼得一世 // 台州师专学报(社会科学版), 1994年, 第02期。53–57页。(Тан Сяоли. Человек, открывший «окно» в Европу – Оценка деятельности Петра I // Вестник Тайчжоуского педагогического института (Общественные науки). 1994. № 2. С. 53–57). DOI: 10.13853/j.cnki.issn.1672-3708.1994.02.010
18. 陶惠芬。彼得使团与岩仓使团西方之行的比较 // 世界历史, 1986年, 第10期。45–60页。(Тао Хуэйфэн. Сравнение посольских миссий Петра и Ивакуры на Запад // Мировая история. № 10. С. 45–60).
19. 彤心、史兵。彼得一世的对外侵略扩张 // 历史研究, 1977年, 第01期。104–116页。(Тун Синь, Ши Бин. Внешняя агрессия и расширение Петра I // Исторические исследования. 1977. № 1. С. 104–116).
20. 王杨。彼得一世微服访列国 // 决策与信息, 1999年, 第12期(总第181期)。88页。(Ван Ян. Тайная поездка Петра I за рубеж // Стратегия и информация. 1999. № 12 (181). С. 88).
21. 严鋋钰。彼得一世与康熙皇帝之比较 // 广西社会科学, 1999年, 第02期。74–78页。(Янь Чжиюй. Петр I и Канси // Общественные науки Гуанси. 1999. № 2. С. 74–78).
22. 杨玉林。俄国东正教北京传教士团早期历史探微 // 龙江社会科学, 1994年, 第06期(总第27期)。61–64页。(Ян Юйлин. Изыскания о раннем периоде в истории Русской православной миссии в Пекине // Общественные науки Лунцзяна. 1994. № 6 (27). С. 61–64).
23. 赵士国。康熙时期中俄关系述论 // 湖南师范大学社会科学学报, 1997年, 第26卷, 第06期。60–65页。(Чжао Шиго. Размышления о российско-китайских отношениях в годы эры Канси // Вестник Хунаньского педагогического университета. Общественные науки. 1997. Т. 26. № 6. С. 60–65).
24. 周祚绍。康熙后期中俄关系基本态势简析 // 文史哲, 1991年, 第03期。17–25页。(Чжоу Цзошао. Краткий анализ общего состояния российско-китайских отношений в конце периода Канси // История, литература и философия. 1991. № 3. С. 17–25). DOI: 10.16346/j.cnki.37-1101/c.1991.03.004
25. 左书谔。论康熙时期的中俄关系 // 黑河学刊(地方历史版), 1985年, 第04期。81–86页。(Цзо Шу-э. О российско-китайских отношениях периода Канси // Хэйхэский вестник (Серия: Краеведение). 1985. № 4. С. 81–86). DOI: 10.14054/j.cnki.cn23-1120/c.1985.04.016

Поступила в редакцию 11.06.2020

Dmitrii I. Maiatskii, PhD in History, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
d.mayatsky@spbu.ru

FOREIGN POLICY OF PETER THE GREAT IN THE ARTICLES OF CHINESE HISTORIANS OF THE 1980s AND THE 1990s*

The topic of this article is relevant due to the growing interest in studying the history of contacts between China and the Russian state expressed by Russian and Chinese scholars over the last decades (especially after the Belt and Road

Initiative was announced in 2013). Political activities of the first Russian Emperor Peter the Great (reigned 1682–1725), who contributed greatly to the formation and development of regular Sino-Russian relations in various fields, were a significant part of these contacts. The article investigates the issue of dialogue between states and civilizations, as well as the perception of nations by other nations – in this case, through reinterpreting historical facts. Both issues have increasingly attracted attention, especially with increasing globalization. The article also deals with one of the issues that can be raised while studying the image of Peter the Great in Chinese academic literature, namely, the evaluation of his activities in the field of Russia's foreign policy. This issue has never been examined previously in Russia or abroad. The author reviews Chinese publications of the 1980s and the 1990s that investigate the foreign policy of Peter I in China in order to identify, classify and study research domains and specific issues connected with Peter's diplomacy, which were of special concern to Chinese scholars. The author reveals how the foreign policy activities of Peter I were perceived and interpreted in China, and determines the possible sources for some of these interpretations and perceptions. The article intends to attract the researchers' attention to the problems connected with Russia's image in China and to throw some light on how the Chinese perceive such a prominent historical figure as Peter the Great.

Keywords: Peter I, Russia and China, Qing Empire, image of Peter I, imagology, Sino-Russian relations, Russia's foreign policy

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No 20-09-42018 "Peter the Great and East Asian Countries: Sociocultural Interpretation and Adaptation".

Cite this article as: Maiatskii D. I. Foreign policy of Peter the Great in the articles of Chinese historians of the 1980s and the 1990s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 6. P. 15–23. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.512

PEFERENCES

1. Myasnikov V. S. The Qing Empire and the Russian state in the XVII century. Khabarovsk, 1987. 516 p. (In Russ.)
2. Samoylov N. A. Image of Peter the Great and ideology of the Reform Movement in China at the end of the XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 4. P. 107–114. (In Russ.). DOI: 10.15393/uchz.art.2020.489
3. 道光丁酉年九月 // 东西洋考每月统记传. 爱汉者等编, 黄时鉴整理. 北京: 中华书局, 1997年. 273–274页。
4. 董继民. 俄国扩张原因新论 // 齐齐哈尔师范学院学报 (哲学社会科学版), 1994年, 第04期. 58–66页. DOI: 10.13971/j.cnki.cn23-1435/c.1994.04.013
5. 傅孙铭. 十八世纪中俄关系的主流及其性质 // 东北师大学报, 1984年, 第02期. 49–52页. DOI: 10.16164/j.cnki.22-1062/c.1984.02.009
6. 傅孙铭、冯兴盛. 试析俄国向东方扩张与资本原始积累的关系 // 东北师大学报, 1985年, 第02期. 46–51页. DOI: 10.16164/j.cnki.22-1062/c.1985.02.009
7. 高玉海. 试析彼得使团的出访与改革 // 绥化师专学报, 1989年, 第01期. 60–63页。
8. 胡礼忠. 中俄早期陆路贸易的回顾 // 浙江学刊, 1994年, 第03期 (总第86期). 105–110页. DOI: 10.16235/j.cnki.33-1005/c.1994.03.024
9. 胡礼忠. 中俄早期陆路贸易述论 // 史林, 1994年, 第01期. 12–19页。
10. 敬东. 大使团的西欧之行与沙俄扩张战略的转移 // 兰州教育学院学报, 1985年, 第03期. 9–15页。
11. 李乃玲. 北方战争期间彼得一世的结盟外交 // 外交学院学报, 1987年, 第02期. 29–35页. DOI: 10.13569/j.cnki.far.1987.02.008
12. 林军. 《彼得一世的外交》评介 // 外交学院学报, 1986年, 第02期. 87–89页. DOI: 10.13569/j.cnki.far.1986.02.015
13. 刘少华. 论彼得一世时期俄国对华政策转变的原因 // 湖南科技大学学报 (社会科学版), 1993年, 第14卷, 第05期. 50–64页。
14. 卢明辉. 17世纪至18世纪前期中俄边境贸易的建立与发展 // 北方文物, 1990年, 第04期 (总第181期). 77–82页. DOI: 10.16422/j.cnki.1001-0483.1990.04.020
15. 莫尔恰诺夫 H. H. 评彼得一世的外交 // 函授教育, 1996年, 01期. 108–111页。
16. 南海. 彼得大帝送的厚礼 // 南风窗, 1991年, 第01期. 50页. DOI: 10.19351/j.cnki.44-1019/g2.1991.z1.034
17. 汤晓黎. 打开朝向欧洲“窗口”的人——评彼得一世 // 台州师专学报 (社会科学版), 1994年, 第2期. 53–57页. DOI: 10.13853/j.cnki.issn.1672-3708.1994.02.010
18. 陶惠芬. 彼得使团与岩仓使团西方之行的比较 // 世界历史, 1986年, 第10期. 45–60页。
19. 彤心、史兵. 彼得一世的对外侵略扩张 // 历史研究, 1977年, 第01期. 104–116页。
20. 王杨. 彼得一世微服访列国 // 决策与信息, 1999年, 第12期 (总第181期). 88页。
21. 严鋈钰. 彼得一世与康熙皇帝之比较 // 广西社会科学, 1999年, 第02期. 74–78页。
22. 杨玉林. 俄国东正教北京传教士团早期历史探微 // 龙江社会科学, 1994年, 第06期 (总第27期). 61–64页。
23. 赵士国. 康熙时期中俄关系述论 // 湖南师范大学社会科学学报, 1997年, 第26卷, 第06期. 60–65页。
24. 周祚绍. 康熙后期中俄关系基本态势简析 // 文史哲, 1991年, 第03期. 17–25页. DOI: 10.16346/j.cnki.37-1101/c.1991.03.004
25. 左书谔. 论康熙时期的中俄关系 // 黑河学刊 (地方历史版), 1985年, 第04期. 81–86页. DOI: 10.14054/j.cnki.cn23-1120/c.1985.04.016